

Была полночь, когда я воротилась к тете. Она была тогда в угловой комнате, что находится над той, где диван. Опасаясь, чтобы она не заметила из окна как будут переносить гроб на лодку, я пригласила ее пройти во внутренние покои, она туда ушла и скоро легла в постель. Мои кузины и я остались в угловой комнате. Там царило долгое и утомительное молчание. Но как мы были потрясены, когда слышали погребальное пение. Гроб был вынесен и молитвы пелись вполголоса, но больше походили на стоны и их, пожалуй, не было бы слышно, если бы в комнате разговаривали. Я поспешила закрыть все двери и в тот момент, когда входила в комнату, обращенную во двор, заметила толпу людей, которая несла на головах гроб и медленно стала спускаться с горы. Какой торжественный вид! Ночь, такая спокойная, но такая сумрачная позволяла различать предметы лишь при свете фонаря; гроб не различался отчетливо, широкие серебряные галуны понемногу исчезали из глаз. Подобно тому, подумала я про себя, как страсти, которые по очереди играют нами, не различаясь, до самой смерти. Я долго следила глазами за гробом, потом, когда он исчез, принялась горько плакать.

Мой брат Александр вернулся лишь в четверг, 13 июля, в день именин моего дяди, и рассказал, что погребение прошло накануне с такой торжественностью и таким порядком, каких он не ожидал. Офицеры конно-егерского полка, где служил брат, пожелали сами нести гроб до церкви. Скучный Новгород, где обыкновенно ничего нельзя найти, снабдил нас по этому случаю всем, что было нужно, и, благодаря помощи доброй Е. И. Путятиной^{XXVIII} все было сделано с большим порядком. Архиепископ отслужил сам. Место было хорошо выбрано, горе было таким глубоким, что можно сказать, будто многочисленные дети хоронили своего отца. Меня уверили, что было непреложным обычаем после такой печальной церемонии устраивать поминки для всех местных священников и для бедных. Я выбрала тринадцатое число этого месяца — надо было распорядиться накормить более 500 человек, и приготовления были долгими. В день прибытия Александра вся толпа собралась на большой поляне справа от дома, у подножия горы. Это было там, где мы всегда проводили праздники для крестьян, а теперь священники пели здесь молитву по усопшему. Потом все принялись за еду, как в дни увеселений. Вот гости, которых обещал нам мой дядя! Вот какие песни были у нас в его день! Он заставлял экономить дичь, благодарил тетьку за булочки, которые она приготовила, и обещал их не трогать. Тяжкое воспоминание! Но тем не менее говорить о нем, о ком мы сожалеем и будем сожалеть, постоянно думать о нем, просить за него — это единственные утешения, которые нам остались.